

Я протестую против терминов «фантазия» и «символизм». Наш внутренний мир реален, быть может, даже более реален, чем мир, окружающий нас.

Марк Шагал

За иллюзии расплачиваются действительностью.

Лешек Кумор

* * *

Я ударил ее по лицу, чтобы она замолчала. Кухонный нож в моей руке, я совсем забыл о нем. В той самой руке, которой я ее ударил. И пропорол щеку. Она коротко вскрикнула, прижав ладонь к порезу. Сквозь ее пальцы заструилась кровь. Я не хотел, но... а впрочем, она замолчала, это хорошо. Весь этот шум сводил меня с ума. Линнет, Тревор, полицейские за окном и за дверью, толпа зевак...

— Папа! Не надо, папа, перестань! — Тревор заревел в голос и бросился к Линнет, обнял.

— Малыш, не кричи, — я устало потер виски, я хотел только тишины, чтобы мне дали чертовой тишины, — мне нужно собраться с мыслями, Тревор, сынок. Я ведь почти закончил, почти закончил.

— Не называй... — Тревор не сумел договорить. Линнет судорожно зажала ему рот обеими руками, перепачкав лицо нашего сына своей кровью, и прижала к себе.

— Тихо, Тр... Тревор, тихо. Папе нужно работать, а мы мешаем ему. Тихо. — Не сводя с меня испуганных глаз и прижимая к себе ребенка, она медленно попятилась спиной к стене.

Зачем она так? К чему этот цирк? Ведь не могла она всерьез думать, что я способен причинить им вред. Ах да! Нож. Но это случайность! Я просто забыл о нем. Я немедленно уберу его.

И я швырнул его в сторону. Линнет взвизгнула, когда он с лязгом ударился о кухонную настенную плитку.

Из-за входной двери послышался голос Фергюсона. Он кричал своим хриплым, пропитым голосом, чтобы я прекратил все это и сдался.

Господи! Как он назвал меня, этот боров! Безмозглый полицейский, разве он не понимает? Там наверняка уже полно репортеров, а он... Что они напишут у себя?

— Ублюдок! — ору я во всю глотку. — Меня зовут Дэвид Блисдейл, тупой ты урод! Блисдейл!

Они, каждый из них, только и делают, что норовят все испортить, разрушить то, что создано было не ими. Неужели они действительно не понимают? Разве такое возможно, чтобы весь город состоял из одних тупиц? А может, они нарочно?

— Не делай глупости, — кричал Питерс.

Но я уже не слышал его. Меня осенила догадка.

ПЛОХОЙ РЕБЕНОК

— Вы... вы нарочно, — сказал я, глядя в предательское лицо своей второй половинки, перекошенное лживым ужасом, — вы нарочно мешаете мне, — перешел я на шепот.

Нож снова оказался в моей руке.

Только теперь я о нем помнил.

ГЛАВА 1

Первые лучи утреннего августовского солнца бледным золотом разливали свет по улицам Рима. Не спеша, наслаждаясь прохладой, Грейс Хейли шла по узким улочкам к пересечению Савое и Мантове. Город уснул совсем недавно и очень скоро проснется. Что ж, она успеет. Ее интересовал пожилой мужчина с длинными пальцами левой руки, с тростью, увенчанной причудливым набалдашником. Он куда-то спешил, спина его была немного сгорблена, а ноги застыли в широком шаге. Впрочем, размышляла Грейс, почему, собственно, «старик»? Возможно, он еще молод, просто тяжелая жизнь состарила его раньше времени, придала фигуре сутулый вид... Нет, первое впечатление — самое верное. Не нужно вступать с ним в противоречие, оно еще ни разу не подводило ее.

Грейс остановилась у нужного ей дома. Сняв рюкзак и положив его на асфальт рядом с фонарным столбом, она не торопясь прошла

вдоль фасада. Грейс не помнила точно, где видела этого старика, на какой из сторон двухэтажного дома: Рим она знала плохо и не могла точно сказать, с какой улицы они пришли сюда в прошлый раз, два дня назад, в день ее прилета, когда Маттео познакомил Грейс с новым куратором, Альдо Сальви, который, собственно, и занимался организацией вернисажа в этот раз. Грейс проработала с Маттео не один год, и расставание (в профессиональном смысле) с другом они решили отметить, перетекая из бара в бар. А возвращаясь в гостиницу и решив немного прогуляться, она заметила старика на фасаде дома, рядом с которым сейчас находилась.

Становилось душно. Грейс размяла плечи, оттянула ворот белой футболки и подула под нее. Завтра ей предстояло весь день провести в каком-нибудь дурацком платье, какое подберет для нее Амелия, и только от одной этой мысли она сразу устала. Почему нельзя открывать собственную выставку вот в этих самых джинсах и футболке, что сейчас были на ней? Можно, конечно, но Амелия будет весь вечер бросать на нее такие взгляды, что уж лучше потерпеть.

Ага, вот он.

Грейс даже не пришлось вглядываться в облупившуюся штукатурку: Старик с тростью бросался в глаза с первого же взгляда. Его очерта-

ния отчетливо читались. Она сделала шаг назад и склонила голову набок, разглядывая трещины и сколы. Старик спешил куда-то, подальше от нее, от всех, бросая короткий торопливый взгляд через плечо. Грейс достала телефон и сделала несколько фотографий, на всякий случай, если не успеет нарисовать его до того, как тихая улица перестанет быть таковой.

Она расстегнула рюкзак, извлекла из него все необходимое: планшет с закрепленными на нем несколькими листами пастельной бумаги и футляр с угольными карандашами. Подумав, Грейс поменяла местами листы на планшете, закрепив первым более зернистый лист, с грубой фактурой.

Через полчаса она закончила. Старик вышел чуть более вытянутым, чем должен был быть. Она рисовала с рук и это немного мешало ей выдержать правильный угол планшета для передачи перспективы. Но если она решит перенести его на холст, то учтёт это, так что не страшно.

Грейс вспомнила о муже. Дилан всегда поддразнивал ее, когда она часами исправляла то, что видела только одна она. Неуловимые нюансы. В такие моменты она обычно просто улыбалась, не вдаваясь в подробные объяснения, что фиксация предмета на бумаге с фотографической точностью помогает ей уловить скрытую

суть, прочувствовать каждый фрагмент причудливого узора, созданного самой природой, ее физическими законами.

Дилан промелькнул в ее памяти на какое-то мгновение, но этого было больше чем достаточно, чтобы в горле предательски запершило, а глаза увлажнились. Как-то незаметно для них обоих ссоры стали делом привычным. Грейс не хотела вспоминать вечер накануне вылета в Италию, ведь через несколько часов ей предстоит быть улыбчивой, открывать свою выставку, а испорченное настроение вряд ли пойдет на пользу дела, но приказать себе не думать о муже у нее не выходило. Она вспомнила его лицо, когда обернулась, чтобы попрощаться.

Дилан пил кофе, водил пальцем по экрану смартфона, а когда оторвал взгляд от телефона и посмотрел на Грейс, у нее что-то екнуло внутри. Взгляд человека, с болью и сожалением решившего сделать серьезный шаг. Уж что-что, а эмоции Грейс считывала с людей практически безошибочно. Легкий прищур или же слабая, еле заметная улыбка, когда глаза остаются печальными; и сама эта печаль. Грейс глядела в лица людей, как в книгу с подробным описанием творящегося в душах беспокойства или, наоборот, счастья, а может, и безразличия ко всему.

Дилан собирался уйти от нее.

Но больно было не только от того, что брак ее трещал по швам, что, возможно, когда она вернется домой, ее никто не встретит, а на письменном столике в гостиной будет лежать извещение о разводе. Обида — вот что ранило сильнее всего. Впрочем, сколько еще она могла просить его дать ей время? Пять лет? Десять? Да и наступит ли это время?

Грейс убрала в рюкзак блокнот и карандаши, сделала несколько фотографий старика под разными углами. Пора возвращаться в гостиницу. Через два часа за ней заедет Амалия и начнется сумасшедший дом. Она придет по меньшей мере с тремя разными платьями и заставит перемерить по сто раз каждое, пока, матерясь и проклиная все на свете самыми последними словами, не убежит за четвертым.

Грейс улыбнулась, ухватила за образ вечно ворчливой и всегда чем-то недовольной Амалии, и хорошее настроение вернулось к ней. Пора возвращаться в гостиницу.

Вот только заглянет в этот подвальчик за бутылочкой белого вина. Он должен уже открыться, наверное.

ГЛАВА 2

Стекло и бетон. Много стекла и бетона, много металлических перекрытий, не несущих никакой функциональной нагрузки, они там лишь для эстетического подчеркивания современного дизайна.

Музей Макро.

И внутри его хранятся покрытые искусственной кровлей двухметровые блоки, причудливой формы сложные фигуры... По большей части — работы итальянских художников и скульпторов нового века. Но случается, устраивают в Макро вернисажи именитых художников других стран.

Для Грейс Хейли, художницы из Нью-Йорка с мировым именем, выбрали интересное место в музее. Ее работы разместили на террасе. Стекланные лестницы ведут на нее. Солнечный свет не страшен работам Грейс: она не оценивает законченную работу и в один доллар, боязнь испортить картину — чувство, ей не свойственное. Главное — ухватить детали при создании

картины, передать в полной мере все нюансы. Это самое сложное, самая кропотливая и въедливая часть работы, но как только Грейс отыскивала каждую крупницу, каждый микроскол, без которого невозможно передать всю полноту выбранного в качестве модели объекта — образ отпечатывался в памяти художницы навсегда. И восстановить картину после этого она могла за считанные часы, ну или за несколько дней, если картина была большой по размеру. В первой работе отнюдь не больше ценности, чем в ее копиях. Да и не копии это вовсе. Или даже вот: и первая, и все последующие ее копии — это уже копии. Оригинал же хранился в голове Грейс.

Разумеется, организаторы знали это. И выбрали террасу. Однако даже Маттео, с которым Грейс проработала вместе не один год, всегда с недоумением глядел на то, как она небрежно относилась к своим полотнам, и пускай манифест составлял он лично, все же понять он так и не смог: например, сегодня самая скромная в материальном плане картина Грейс, представленная на выставке, оценивалась в сорок пять тысяч евро.

— Парейдолическая иллюзия, — говорила Грейс, обращаясь к гостям. Бокал шампанского она держала в ладонях, слегка покатывая его. — Так по-умному называется то, что мы

все с вами, люди не ученые, привыкли называть более поэтично. Игра воображения, причудливость природы, ее фантазия. Живопись, как и любой вид искусства, как в целом и все в нашем мире, должна развиваться, идти вперед, искать новые выразительные средства. Это понимали еще в эпоху позднего Ренессанса, когда загнанная в жёсткие тематические и выразительные рамки живопись стала вырождаться. Она изжила себя, художники начинали повторять друг друга, работы их постепенно становились пресными. Скучными, короче говоря. Делакруа посеял зерно, импрессионисты взрастили это зерно. И в результате двадцатый век подарил нам несметные сокровища в виде работ художников, творивших в немыслимых для консервативной академии стилях. Это уже было не Возрождение, но рождение новой эпохи живописи.

Грейс взглянула на Амелию, которая стояла возле лестницы, ведущей на крышу музея, и выразительно закатила глаза, когда взгляды их встретились. Грейс подмигнула подруге.

— Шучу-шучу, — продолжила она, улыбнувшись. — Надеюсь, вы не решили всерьез, что я собираюсь проводить нуднейшую лекцию на тему современного искусства? Ее можно провести за несколько секунд, уложившись в одно предложение. Современное искусство — лоте-

рея, в которой шансы равны у всех, вне зависимости от способностей.

По толпе прошел легкий смешок. Грейс продолжила:

— Мои картины суть природа человека, его глубинное «я», скрытое от глаз посторонних и порой от самих себя. Именно это самое глубинное я стараюсь показать, работая над новым полотном. Прелесть в том, что не приходится ждать волну вдохновения или еще что-то в этом роде. Сюжеты вокруг нас, они скрыты в деталях. Детали — вот что главное. Нужно уметь обращать на них внимание, подмечать их. И тогда каждый скол на стене вашего дома расскажет вам целую историю.

Грейс подошла к одной из своих картин, над которой, как и над всеми остальными картинами, висела фотография. На ней был запечатлён угол дома. Разводы после дождя оставили причудливый узор.

— Я не ищу вдохновения, — повторила Грейс, глядя на фото, — нам дарит образы природа. В один из дней мне подарил их дождь. Он избразил семью из трех человек на обшарпанной стене старого дома. Посмотрите внимательно на женщину. Бесспорно — это мать этого мальчика. Сколько трепетной любви в ее образе, в наклоне ее головы, во взгляде, устремленном на ребен-

ка. А мальчик! Как он глядит в ответ! Эта женщина — все для него, Вселенная, книга, в которой есть ответы на любые вопросы. Трепетный союз, оберегаемый глыбой-мужчиной с суровым взглядом, стоящим позади, — отцом.

Она переходила от картины к картине, вкратце рассказывая о каждой, но мысли ее были прикованы к «семье». Грейс уже знала, что не станет ее продавать, если сегодня найдется тот, кто решит приобрести мрачное монохромное полотно. Эта картина стала для нее слишком личной, перешла в иное измерение восприятия своих же собственных работ. Нет, ее она не продаст. Даже само слово это теперь царапало ей слух. Продать. Однажды она уже продала.

Эта выставка была первой с тех пор, как нашелся Эрик. Она должна была состояться еще несколькими месяцами раньше, но именно два месяца назад Грейс пребывала в таком состоянии, что думать было сложно не только о каких-то там выставках, но и думать вообще о чем бы то ни было. В случившееся невозможно было поверить, нельзя было принять и, что было совершенно невозможно, расценить произошедшее каким-либо образом. Что это, шанс исправить страшную ошибку молодости или наказание за эту ошибку?

Два месяца назад, когда он нашелся, когда шок прошел и перед глазами перестал всплывать металлический крестик ее матери с расплавленной левой его частью и прикипевшей к основанию, крестик, который невозможно спутать ни с каким другим крестиком, когда он перестал мельтешить перед глазами и путать все мысли, Грейс решила, что ей выпало совершенно незаслуженное счастье исправить ошибку молодости, наверстать упущенное прошлое, искупить вину и полюбить Эрика, а если это возможно, если она каким-то образом заслужила и это — Эрик полюбит в ответ.

Но сейчас Грейс начинало казаться, что не увидеть ей ни прощения, ни светлых лет со вновь обретенным сыном — ничего, кроме бед. Старая рана разошлась, заболела с новой силой, и соль сыплется в нее пудами.

Грейс вымывает ее спиртом. Это больно вдвойне, но терпеть как-то легче. Эрик — парень, вобравший в себя пороки всего человечества, он самоуничтожается. И это ледяным потоком мутной воды вымывает остатки песочного фундамента, на котором зиждились ее чаяния на счастливый исход этой невероятной встречи, невозможной встречи матери с сыном, которого она бросила много лет назад на пожарной станции города Кваден.

И что хуже всего — вновь закопошились сволочные мысли. Грейс боялась задать этот вопрос самой себе, потому что не была уверена, что ответит на него правильно. Она гнала его еще до того, как он оформлялся в целое, законченное предложение, как гонят некоторые фразы, ни с того ни с сего появившиеся в сознании и «произнесенные» внутренним голосом. «У меня рак». «Завтра я умру». Их обрывают, не заканчивают. Так же и Грейс. «Ты жалеешь, что твой сын нашел...»

Да, она начинала жалеть об этом. Впрочем, это было не совсем сожаление. Скорее, страх. Страх, что ей не удастся вытащить мальчика из болота, в котором он оказался, конечно же, по ее вине. Он родился в этом болоте; болото это — его мир, и другого он не знал. Лишенный детства и материнской опеки, Эрик воспитывался улицей, ее суровыми законами.

Стоп, приказала себе Грейс, хватит. Все будет хорошо, самое главное — снять парня с крэка, а дальше будет легче. Всем нам будет легче.

К ней подошла Амалия.

— Ты в порядке? — спросила она негромко.

Грейс улыбнулась:

— Да, все хорошо.

Она солгала. И Амалия прекрасно это понимала. Они знали друг друга еще с художествен-

ного колледжа и за эти годы сблизилась по-настоящему. Если у Грейс и была подруга, так это Амалия, ее правая рука, администратор от природы, без которой у Грейс не получилось бы организовать ни одну стоящую выставку. И, конечно же, Амалия знала об Эрике: об Эрике брошенном и Эрике, обретенном вновь спустя многие годы. И она знала, что воссоединение их лишено счастья, оно болезненно, оно шипасто, оно беспросветно.

— Что-то опять с Эриком? — спросила Амалия. — Что он натворил в этот раз?

— Ничего. Правда. Вернее, я не знаю. Может быть, что и натворил, может быть, вляпался в какую-нибудь историю. Он пропал за день до моей поездки сюда, телефон не отвечает, сам не звонит, я подозреваю, что он снова сорвался, ушел к друзьям за новой дозой.

Амалия не любила говорить дежурных фраз в подобных случаях. Если она не могла помочь ни словом, ни делом, она предпочитала промолчать. Сейчас она не могла помочь ничем. И она промолчала.

— Ами, — сказала Грейс.

— Что?

— Если кто-то заинтересуется сегодня покупкой этой картины, — она указала на «семью», — она не продается.

Амалия кивнула, вернула на лицо дружелюбную улыбку и пошла к гостям выставки, обмениваясь то с одним, то с другим короткими репликами о представленных сегодня работах выдающейся художницы современности Грейс Хейли.

* * *

Крестик, о котором Грейс уже редко вспоминала и который вспышкой сварочного аппарата ослепил ее два месяца назад, принадлежал ее матери, Джинжер Хейли. Она носила его всегда, сколько Грейс ее помнила, и в последний день он был на ней, разумеется. Джинжер успели вытащить из дома до того, как деревянные балки, обгорев, рухнули, потянув за собой крышу. Но все равно слишком поздно. Она погибла не от ожогов, хотя и их хватало на теле несчастной женщины, Джинжер задохнулась угарным газом.

Грейс тогда было пятнадцать. Возраст бунтарства, пафосного романтизма в мрачных готических цветах. И в память о матери она оставила этот оплавленный крестик. Все как в кино, как в любимых подростковых книгах. Крестик напоминал ей о матери, о ее злосчастной судьбе, о последних часах ее жизни, о том, что накануне

утром они поругались и Грейс не успела попросить прощения. Бог знает, о чем еще напоминал ей крестик, но ничего этого не формулировалось в осознанную мысль. Достаточно самого драматизма. А то, что, глядя на него, Грейс каждый раз испытывала боль и он не давал этой боли утихнуть — возвращал своим видом в тот роковой вечер, — это еще нужно уметь разглядеть. В пятнадцать лет это трудно.

Грейс носила его на шее год после смерти матери. Пока не родился Эрик.

Его невозможно спутать ни с каким другим. Он уникален. Уникальным его сделал огонь, спаливший дотла их дом; огонь, ядовитый дым которого убил ее мать; огонь, перечеркнувший ее жизнь на «до» и «после». И, быть может, если бы не он, Грейс бы не поступила так, как поступила, но история, как известно, не любит сослагательного наклонения, поэтому Грейс никогда не пыталась оправдать себя этим.

Да, тот крестик не перепутать с другими, не забыть его, даже если не видеть долгие годы. Собственно, он не был крестом, если говорить о нем как о геометрической фигуре. Скорее он напоминал перевернутую букву «л». Одно из перекрестий оплавилось, прикипело к вертикальному основанию.

Оставляя новорождённого сына в детском боксе возле пожарной станции, Грейс надела этот крестик на малыша. Зачем она это сделала? Без особой причины. Вероятно, где-то в глубине души она хотела сохранить связь с ребенком, пускай и символическую, хотела дать ему хоть что-то. А может быть, и ничего такого она не думала, а поступила по наитию, разве вспомнишь это сейчас? Думая об этом спустя двадцать лет, приходится пробираться к мыслям о крестике сквозь презрение и отвращение к себе, об эту скалу тошнотворно-болезненных мыслей разбиваются все прочие, в том числе и попытки понять, зачем она оставила на хрупкой шее малыша материн крестик.

Сначала она увидела крестик на тощей загорелой шее. Затем грязно-серый шнурок, на котором он висел. Тогда дыхание Грейс сбилось, в глазах потемнело, она решила, что сейчас потеряет сознание. И только потом она увидела лицо юноши. Чужое лицо: не было на нем ни знакомых глаз, немного резких скул, как у самой Грейс, ни легкой горбинки у основания переносицы, как у Майлса, безмозглого панк-рокера, давшего от нее деру, едва узнав о беременности. Ничего с первых секунд не усматривалось в том лице, что должно было поразить ее, словно разрядом тока. Кроме тускло играющего на солнце

серебряного крестика. Без сомнений, того самого...

Совершенно случайно, спустя двадцать три года, она встретила сына. Так ей подумалось в первые секунды. И так оно оказалось на самом деле.

Она встретила его у дверей «Джейнис Арт», после скромной выставки своих работ, поздним вечером. Бросила рассеянный взгляд на худого паренька в выцветшей красной футболке и рваных джинсах. И крестик на его шее ослепил Грейс!

Ноги ее едва не подкосились, но она продолжила по инерции идти в сторону такси. Села, несколько раз глубоко вдохнула, перевела дух и только после этого решила обернуться на парня в красной футболке. Он стоял на том же месте, безразлично пялясь по сторонам. Он был болезненного вида, слишком худ для своего роста.

Сердце Грейс бешено заколотилось. Она не могла сосредоточиться ни на одной мысли. Прошлое ударило по ней столь неожиданно и столь сильно, что осмыслить происходящее было совершенно невозможно. Таксист терпеливо ждал. Грейс оплатила поездку, но попросила не ехать, а оставаться здесь, на месте. Это первое, что она смогла придумать. Ей нужно было время прийти в себя, она молилась, чтобы

парень никуда не ушел, чтобы остался стоять на том же самом месте, потому как уйди он сейчас, Грейс не сможет найти в себе силы последовать за ним. Что сказать? Господи, как представиться? Одно она понимала: потерять теперь из виду парня в красной футболке — значит лишиться покоя на всю оставшуюся жизнь.

С каждым годом, становясь взрослее, приближаясь к сорокалетнему юбилею, Грейс все чаще думала о сыне, о том, как она поступила с ним много лет назад. Когда она оставила его в «колыбели» у пожарной станции, что-то погибло в ней самой, что-то, чего она не могла заметить в силу юных своих лет и присущего этим годам эгоизма. И это что-то осталось в ней, разлагалось, гнило, заражало организм, причиняло боль. Боль эта становилась с годами все сильнее и сильнее, переросла в хроническую, тупую и непреходящую.

Нет, потерять его еще раз она не могла. Никак не могла.

И она не потеряла. Она нашла в себе силы подойти к нему. Подобрала какие-то слова, чтобы начать разговор, нашла мужество, сев с ним в кафе, рассказать, кто она. И был долгий разговор, были слезы, были жалкие извинения, и был растерянный взгляд парня в красной футболке, Эрика, ее сына...

С тех пор прошло больше четырёх месяцев. И за это время жизнь Грейс превратилась в кошмар.

Эрик был болен. Он был наркоманом. Он вырос угрюмым, нелюдимым парнем. От его рассказов о себе сердце Грейс обливалось кровью. Ведь это из-за нее жизнь Эрика сложилась так, как сложилась.

Выставка в Риме — первая за четыре месяца. Грейс отказывалась от всех прочих предложений, всецело посвятив свое время налаживанию отношений с Эриком. Шаг за шагом выкладывая хлипкие доски моста, соединяющего пропасть между ними. Пропасть обид, злости, сожалений, недоверия. Что только не лежало на дне этой пропасти!

Спустя время Грейс предложила Эрику переехать к ним с Диланом. Ведь это и его дом! «Теперь это твой дом, Эрик». Но парень наотрез отказался. Разумеется, Грейс не настаивала. Она лишь подчеркнула, что отныне он может жить у них, если только сам этого захочет.

С первых дней их общение стало строиться на деловой основе. Словно два бизнесмена, попавшие в затруднительное положение, искали они друг перед другом пути решения. Грейс, не имея, разумеется, подобного опыта налаживания коммуникаций, не зная, как правильно выстраивать

отношения, и в силу своего пробивного характера решила, что в первую очередь необходимо устранить финансовые проблемы сына (как странно ей произносить это слово! Впрочем, Эрика она называла по имени, не решаясь и не чувствуя за собой права называть его сыном. По крайней мере, сейчас).

Конечно, начинать стоило с самого главного — вылечить парня от наркозависимости. Но почва эта еще зыбкая, еще слишком мало они знают друг друга. От излишнего усердия могут проломиться доски хлипкого моста отношений. Пошлет к черту — вот и весь разговор. Впрочем, судя по всему, Эрик и сам не прочь избавиться от смертельной привычки.

Проблема заключалась и в Дилане. Эрик не понравился ему с первой же минуты. «У него глаза злые, страшные глаза, ты разве не видишь?»

Конечно, она видела. «Видеть» — ее профессия, ее дар, принесший ей признание в мире современной живописи, сделавший ее живым классиком. Но она также видела и другое: молодого парня с изуродованной по ее вине судьбой. Нет, это не преувеличение, не пафосное самобичевание. Это правда. Отказавшись от ребенка, она задала вектор развития его судьбы. Конечно, Эрик мог попасть в любящие руки, в семью, которая воспитывала бы его с теплотой и нежно-

стью, как собственное дитя. В такой семье он и рос, по его словам. Однако какими бы заботливыми ни были приемные родители, они все равно оставались приемными. По крайней мере, в мыслях брошенного родной матерью ребенка. Сам факт, что ты, еще безгрешный, еще только первые недели смотрящий на этот мир, можешь оказаться кому-то ненужным, порождает в тебе комплексы. Они медленно вызревают, но ты не знаешь о них, если не знаешь, что живешь с чужими родителями. Эрик знал. От него это не скрывали.

Да, у Эрика были злые глаза. И что из этого? Он ее ненавидит? Возможно. А возможно, ему совершенно наплевать на нее, и это, скорее всего, так. Сложно ненавидеть того, кого не видел ни разу в жизни и ничего совершенно о нем не знаешь. Эрик смотрел на Грейс, как на счастливую возможность исправить кое-какие проблемы в своей жизни. Она была достаточно богата для этого. Эрик — человек, свалившийся на самое дно социальной ямы. У таких, как он, иное мироощущение. Понятия морали и нравственности им неведомы, или, вернее сказать, они игнорируют их. Они прекрасно понимают, что ограбить человека, лишить его, может быть, последних денег, необходимых для чего-то очень важного, — это плохо, это ужасно, это будет уг-

нетать их в те редкие моменты, когда организм не будет нуждаться в новой дозе наркотика, потому что только что ее получил. Но они все равно пойдут на это еще раз и еще. И еще.

Все это Грейс видела. Она прекрасно понимала это. Понимала также и то, что в одночасье этого не исправить, не изменить за короткий срок. Может, не изменить вообще ни за какие сроки. Но это ее крест, сколоченный и водруженный на собственные плечи собственными же руками. И тащить его ей, иного выбора нет, и надеяться, что когда-нибудь Эрик примет ее, простит и полюбит. Вечная женская проблема — дать, что в ее силах, изменить подонка. Да, проблема вечная, однако случай все же отличается в самой основе. Она сделала Эрика таким!

— Ты ведь его не любишь, — сказал как-то Дилан.

— Нет, — ответила Грейс честно, — но я люблю.

— Это так не работает.

Грейс вспылила:

— А как это работает?! Что ты предлагаешь? Снова его бросить? Первый раз я отказалась от сына, потому что испугалась, что не справлюсь. Испугалась за свое будущее. И теперь поступить так же?

Дилан не ответил. Он не знал, что ответить. Слова жены были правильными. Человечными. Он встал и вышел из гостиной.

Тот разговор случился вечером, после того как Эрик вернулся. Он вынес все драгоценности Грейс и золотые часы Дилана. Он и наличку прихватил, к счастью, ее было в доме совсем немного.

Его не видели несколько дней. Потом он объявился. Он еле стоял на ногах.

— Привет, ма, — сказал он, растянув рот в глумливой пьяной улыбке.

Грейс молча отступила, пропуская Эрика в дом. Дилан сидел на диване, в руках у него был бокал с бренди.

— Привет, — бросил ему Эрик.

— Присядь, — строго сказал Дилан, — давай поговорим. Ты способен говорить? Или ты пьян в стельку?

Эрик презрительно прыснул и повалился на диван напротив Дилана.

— Ты под кайфом?

— Не-а.

— Покажи вены.

Эрик хохотнул и показал руки без единого следа от инъекций.

— Ну ты дебил! Я крэк курю.

Дилан побагровел и вскочил на ноги, что сильно напугало Эрика. Парень закрыл голову руками.

— Ты чего?! Я же пошутил!

— Дилан! — вмешалась Грейс.

Но Дилан и не собирался трогать Эрика. Он лишь безразлично посмотрел на него.

— Боже, — сказал он, — дешевая клоунада.

Эрик хмыкнул и завалился на диван.

— Можно я у вас переночую? — спросил он, засыпая.

— Разумеется, — ответила Грейс как можно суше, однако сухость эта была наигранной. Она почувствовала жалость к этому несчастному существу, к своему сыну. — А завтра мы обо всем поговорим.

— Ты о цацках?

— Дело не в них. Если тебе нужны деньги, ты мог просто попросить у меня.

— Мне всегда нужны деньги. Кому они не нужны?

— Иди наверх, в комнату.

Эрик вздохнул и поднялся с дивана. Заплетавшейся походкой пошел к лестнице, уронив при этом вазу с декоративными цветами. Раздался грохот разбившегося стекла.

— Упс, изв-извините.